

Великие имена

Красота и величие духа

Вчера в последний путь страна проводила Сергея Юрьевича Юрского

Первого января в доме профессора Магнитогорского государственного технического университета Геннадия Гуна раздался телефонный звонок: «Пригласите Геннадия Семёновича или его супругу Эмму Георгиевну – это Юрский».

Даже сегодня Геннадий Гун не может сдержать слёз, рассказывая о том, с каким состраданием и участием расспрашивал народный артист РСФСР, сам только что выписанный из больницы, в которой лежал с тяжёлым заболеванием, о трагедии, случившейся в Магнитогорске 31 декабря:

– Очень трогательно и искренне он говорил, что переживает это как личное горе, – цитирует артиста Геннадий Семёнович. – «Потому что Магнитогорск – это мой город, город моих друзей, город моего творческого становления и таких волнительных для меня творческих встреч».

Геннадий Гун и сам не помнит, как именно зародилась между ними дружба, которой уже без малого полвека и которая так трагически оборвалась с уходом Сергея Юрского. Создатель и руководитель мощнейшей в стране рабочей-студенческой филармонии Магнитогорского тогда ещё горного института, Геннадий Семёнович не жалел усилий на формирование из будущих металлургов культурно образованных личностей: буквально загонял на концерты, спектакли, творческие встречи не только с местными музыкантами, писателями и поэтами, но и приехавшими звёздами кино, театра и телевидения. Принимая высоких гостей, со многими потом сдружился, к примеру, долгое время переписывался с Львом Дуровым. Но самые тёплые дружеские чувства возникли именно с Сергеем Юрским.

Сергей Юрьевич вообще-то должен был носить фамилию Жихарев – его отец – руководитель Московского цирка на Цветном бульваре, Ленкоцрта – Юрий Сергеевич, происходивший из дворянского сословия, ещё в творческой юности взял себе «именной» псевдоним, который «по наследству» достался и сыну. Ещё достался принципиаль-

ный свободолюбивый нрав, из-за которого Юрский не раз страдал, гонимый цензурой и чиновниками: его пьесы запрещали, его самого отчитывали, как мальчика. С возрастом принципиальная позиция Юрского стала ещё более жёсткой, и Сергей Юрьевич, не скрывая, защищал НТВ в начале века, потом требовал прекратить войну в Чечне, потом осуждал принудительную депортацию из России грузин в 2006-м, потом выступал за освобождение Михаила Пасько, Максима Резникова, Михаила Ходорковского, Кирилла Серебренникова и прочих и даже открыто поддерживал выступление политической оппозиции. Но в своей позиции никого не оскорбил, выдерживая рамки уважения к оппонентам. После смерти народного артиста РСФСР президент страны лично направил соболезнования родным актёра, подчёркнув, что своей жизнью и творчеством он был всем нам примером беззаветного служения искусству.

Магнитогорск впервые вошёл в жизнь Сергея Юрского в 1965 году, когда к 50-летию Великой Октябрьской Социалистической революции руководство страны решило снять художественный фильм – производственную лирику, прославляющую человека труда и советские ценности

История легендарной Магнитки и её самоотверженных строителей как нельзя кстати ложилась на идею – за основу фильма взяли роман Валентина Катаева, специально приехавшего на Магнитострой для поиска интересного сюжета, – и основой романа «Время, вперёд!» послужил всемирно известный производственный рекорд, поставленный на строительстве коксохима бригадой бетономешальщиков во главе с Халибуллой Галиуллыным: всего 20 секунд на один замес бетономешалки и без малого тысяча двести замесов за смену. В двухсерийной экранизации романа Валентина Катаева Сергей Юрский – к тому времени уже довольно из-

вестный в стране актёр, снявшийся в восьми кинофильмах и фильмах для телевидения, в том числе «Человек ниоткуда» Эльдара Рязанова, исполнил главную роль – инженера Давида Маргулиеса, правда, съёмки проходили на «Мосфильме», в Магнитогорск съёмочная группа не приезжала.

Приезд артиста в Магнитогорск состоялся чуть позже – Сергей Юрский приехал сюда с гастролями Ленинградского БДТ, в котором работал тогда. Вскоре он получил приглашение от Геннадия Гуна выступить в рамках работы его рабочей-студенческой филармонии. С тех пор Сергей Юрьевич подружился с Анатолием Цыкуновым и с удовольствием посещал его дом, а с Геннадием Гуном его навсегда связали тёплые чувства, бесконечная переписка, редкие телефонные разговоры, ещё более редкие, но оттого такие дорогие встречи. Свидетельницей одной из них довелось стать и мне.

Это было десять лет назад – летом 2009-го, когда Магнитогорск отмечал тройной юбилей: собственное 80-летие, 75-летие технического университета и 70-летие ярчайшего его представителя – профессора Геннадия Гуна. Не приехать на торжества Сергей Юрьевич не мог.

– Я рад, что снова вижу вас – немного постаревших и погрузневших, но таких родных, – начал Юрский под всеобщий тёплый смех присутствующих в большом актовом зале МГТУ.

Он вышел на сцену в красной жилетке и кепке в «гусиную лапку», которые поначалу забыл взять с собой в Магнитогорск. Благо, в городе металлургов артист провёл тогда три дня – «целых три дня», как говорил, смеясь, сам Сергей Юрьевич:

– Я здесь у вас долго – о-о-очень долго, потому что в моём возрасте, когда лет впереди всё

меньше, а дел, устремлений и планов всё больше, три дня – это целый срок.

Так вот за эти три дня жена Юрского Наталья Тенякова, следуя подробным объяснениям мужа по телефону, в какую комнату заходить и в каком шкафчике какой пакет открывать, смогла найти рекевизит и передать его с ближайшим самолётом. Казалось бы, ну можно найти другую жилетку или, в конце концов, выступить вообще без неё! Но в том-то и проявилась особая трепетность отношения к делу, которое должно быть качественно исполнено до мелочей. Ещё один штрих к характеру Сергея Юрского в тот приезд: в это время в Москве прощались с народным артистом СССР Вячеславом Невинным, и в разговоре с женой по телефону Сергей Юрьевич настоятельно просил её сходить на церемонию и проводить дорогого товарища в последний путь.

Выступление артиста было великолепным: программа называлась «Домашние радости», как прокомментировал сам артист, это «...задушевные разговоры, которыми пронизаны кухни всей интеллигенции Советского Союза и нынешней России: о политике и экономике, любви и верности, добре и зле». Он говорил со зрителями как со старыми знакомыми – впрочем, многие сидящие и были ему старыми знакомыми:

– Магнитогорск стал мне по-настоящему родным городом, – говорил он с тёплой улыбкой, разводя руки, словно желая об-

нять всех присутствующих. – У меня за плечами гастроли в сотне городов, но именно Магнитогорск остался в памяти навсегда. Может, оттого, что это был город первых моих гастролей с Ленинградским БДТ, а может, потому, что ещё в то время я сразу оценил невероятный масштаб сделанного Гуном. Я не буду сейчас рассказывать о студенческой филармонии, о том, что творилось на сцене этого института и театра «Буратино» – в весьма сложных условиях акустических, учебных... Гун заставлял студентов – зачастую насильно – посещать концерты и спектакли, он привлек сюда целый список артистов, привыкших работать в совершенно других условиях, – и они ехали в Магнитку и были довольны. Ну и, кроме всего прочего, дружба есть дружба: я просто люблю Гуну и обожаю его семью: жену Эмму, радужную хозяйку дома, в котором меня тепло принимают, его детей, которые росли на моих глазах. Словом, пусть встречаемся мы редко, но его семья – те, к кому я ежедневно обращаюсь в своих мыслях.

Геннадий Гун тоже часто перечитывает письма Сергея Юрского, в который раз отмечая величие духа актёра и режиссёра, богатство его души, высоту его мыслей и тонкость юмора.

– К примеру, влюбился в его афоризм и часто цитировал его в разных ситуациях, – сквозь слёзы улыбается Геннадий Семёнович. – Когда в очередной раз на Сергея Юрьевича шли гонения за его пьесу, он написал мне: «Горевать надо весело, потому что, кажется, горевать придётся долго».

Я тоже вынесла урок из общения с великим артистом, услышав ответ на свой вопрос в приезд десятилетней давности: мол, Геннадий Семёнович утверждает, что за все годы, пока вы дружите, вы нисколько не изменились, это так?

– Изменилось вообще всё – сменился век, тысячелетие, поменялся мир, и если мы будем притворяться и всё время кричать по-казацки: «Есть ещё порох в пороховницах!», ничего хорошего из этого не выйдет. А может, его, этого пороха, уже не только нет, а он и не нужен?.. Может, он лишний в нашем организме? Вот в чём надо бы разобраться.

Мы постараемся, Сергей Юрьевич. А вам – Царствия Небесного.

✍ Рита Давлетшина

Гость театра «Буратино» заслуженный артист РСФСР Сергей Юрский (слева) и главный режиссер театра Виктор Шрайман, 1979 год